

ПОНЯТИЕ ЭТНИЧНОСТИ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ: ОПЫТ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Основному содержанию настоящей статьи следует предпослать достаточно пространное предисловие, создающее тот проблемно-теоретический исследовательский контекст, в рамках которого будет затем развиваться авторская мысль. Необходимость в такой предисловии диктуется не только сугубо функциональными потребностями, то есть стремлением еще более конкретизировать сам предмет исследования, обозначить его понятийно-терминологически или расставить определенные концептуальные акценты, но и общим замыслом работы.

Как нам представляется, избранный для рассмотрения аспект этнической проблематики требует повышенного внимания к некоторым сопутствующим вопросам, каждый из которых столь масштабен, что может претендовать на роль самостоятельной исследовательской сферы. Однако не менее важным выглядит и то обстоятельство, что сама тема трансформации этничности стимулируется весьма интенсивным развитием ряда направлений отечественной и зарубежной этнологии, прежде всего широким распространением политологических подходов и методик в области анализа этнических проблем. Иначе говоря, изменения, претерпеваемые этнической идентичностью в свете современных социально-политических и социокультурных процессов (как внутрироссийских, так и мировых), не могут быть поняты вне контекста тех изменений, которые происходят в предметной сфере современной этнологии¹.

Являясь непосредственным объектом исследований для целого ряда общественных дисциплин, этническая идентичность представляет собой многомерный проблемный комплекс, сформировавшийся под определяющим воздействием нескольких факторов. Какова же структураданного комплекса применительно к условиям этнологического дискурса? Самый поверхностный анализ обнаруживает в нем, по крайней мере, несколько системообразующихкомпонентов, каждый из которых имеет «этапный» характер, а все вместе характеризуют современное состояние научного поиска.

Однако в первую очередь выделяется фундаментальный пласт представлений об этнической идентичности как универсальной категории, принимаемой и активно используемой представителями всех концептуальных направлений, по-разному трактующих сущность самого этнического феномена. Будучи понятием из области социальной психологии, неразрывно связанным с базовыми принципами групповой категоризации, этническая идентичность с конца 60-х гг. XX в. оказалась в фокусе внимания западной этнологической мысли. По существу произошла коренная и вполне закономерная смена исследовательских приоритетов, обусловленная общей психологизацией культурной антропологии и смежных с ней областей знания.

Рассматривая этническую общностьсквозь призму личной и групповой идентификации, исследователи абстрагировали природу этнического начала от самого факта групповой принадлежности. Представления о стабильности и преемственности культурных форм или определенности межгрупповых отношений, прежде составлявшие основу этнологического дискурса, «потерялись» в сложной структуре социальных идентичностей, этнический характер которых переставал восприниматься как безусловный, очевидный и предзаданный. Таким образом, возникла насущная потребность в новой объяснительной категории, способной отражать многомерную социальную реальность, вбирающей в себя субъективные и объективные характеристики этнического феномена, а также настолько широкой, подвижной и практичной, чтобы быть оди-

наково применимой по отношению к национальным общностям, диаспорным группам или их отдельным представителям.

Всем перечисленным качествам удовлетворяла категория этничности, которая стала по-настоящему междисциплинарным понятием (или, как выразился У. Альтерматт, «новым волшебным словом»), не претендующим на четкость и единообразие формулировок, но приобретшим колоссальное дискурсивное значение (*Альтерматт*, 2000. С. 58). К настоящему моменту существуют десятки, если не сотни различных вариантов и версий в толковании данного термина (точнее, множество определений, имеющих различную смысловую нагрузку). При этом, хотя большинство исследователей признает обозначаемый круг явлений реально существующим, каждый из них по-своему определяет меру его соответствия понятию «этничность», акцентируя внимание на разных гранях терминологической проблемы.

Как следствие, сомнению стала подвергаться сама возможность выработки специальной точной дефиниции, одинаково приемлемой для обозначения всех «этнических» срезов социальной реальности (*Четко*, 1994). Тем не менее, среди отечественных этнологов доминирует установка на активное использование понятия «этничность», а зачастую практикуется его смысловое сближение с этнической идентичностью как таковой (вплоть до полного отождествления). Применительно к последнему случаю можно было бы говорить о недостаточной развитости понятийного аппарата, допускающего употребление дублирующих терминов. Это тем более справедливо, что семантическая стабилизация ряда понятий, относительно недавно вошедших в отечественный научный дискурс, пока далека от завершения, а о категориальном синтезе ряда смежных дисциплин вообще говорить не приходится. Но каков бы ни был терминологический зазор между этничностью и этнической идентичностью, на операционном уровне обе категории обнаруживают действительную близость, проистекающую из общности концептуальных подходов к исследованию современной социальной действительности.

Изначально широкое распространение концепта этничности отражало фундаментальный сдвиг, произошедший как в динамике этнических процессов, так и в представлениях о них. Практически повсеместное обострение проблем культурной дистанции и этнических границ, вызванное глобальными процессами социальной трансформации и в свою очередь вызвавшее мощный общественно-политический резонанс, самым существенным образом отразилось на исследовательской сфере. В представлении большинства специалистов, именно подвижные структуры социальной идентификации формируют базовые основы этничности и соответственно составляют стержень этнической проблематики. Поэтому, говоря о трансформации этничности, мы в первую очередь подразумеваем изменения, претерпеваемые этнической идентичностью.

Разумеется, среди современных трактовок этничности идентичность является основной, но далеко не единственной объяснительной категорией. Многие авторы, формально отделяя этничность от индивидуального и группового сознания, видят в ней лишь особый аспект межличностных или социальных взаимоотношений. Таким образом, происходит произвольное сужение данной дефиниции, ограничение ее смыслового поля, выдающее имплицитную тягу ряда исследователей к «очистке» своего предмета от «чуждых» терминологических наслоений. Это находит некоторое соответствие с наиболее употребляемой в англоязычной литературе «внешней» трактовкой этничности как совокупности характерных культурных черт, выделяющих этническую группу из окружающей социокультурной среды (*Александренков, 1996*).

Развивая полученное определение вне рамок социальной проблематики, мы обнаружим в этничности синоним национального (то есть сугубо культурного) своеобразия. Именно такую трактовку интересующего нас понятия дает изданный в 1996 г. «Краткий этнологический словарь». В соответствии с данной трактовкой, термин «этничность» применим для обозначения совокупности признаков, отличающих одну этническую группу от другой, а раскрытие этничности обеспечивает наиболее полную и развернутую характеристику того

или иного народа, взятого в качестве специфической общности (*Краткий этнологический словарь*, 1996).

Если взглянуть на данную проблему в той же плоскости, но под несколько иным углом, мы придем к пониманию этничности как аскриптивной характеристики, которая предписывается индивиду или группе в процессе социальных взаимодействий и на основе ряда объективных признаков, составляющих стержень этнической отличительности. В разных обществах набор подобных признаков может быть неодинаков, но, как правило, главенствующее место среди них занимает этническая принадлежность (то есть опять-таки аскриптивная этничность) родителей (одного или обоих).

Если расширить понимание этничности и включить в него аскриптивные характеристики, то придется признать, что анкетная графа и соответствующий пункт в паспорте оказываются не менее действенными средствами при межпоколенной передаче этнической принадлежности, чем все механизмы социализации, задействованные при воспроизводстве идентичности индивида. Кроме того, не стоит забывать, что социально предписанная этническая принадлежность может стать объективной основой для последующей самоидентификации. Правда, в большинстве случаев подобные этнические метаморфозы происходят не на индивидуальном, а на групповом уровне, причем в качестве их движущей силы выступает определенная политическая стратегия. Во всяком случае, нормой является такое положение вещей, при котором аскриптивная этничность совпадает с этнической принадлежностью, а последняя в свою очередь опирается на аскриптивные характеристики. Развернувшиеся в последние годы споры вокруг новых российских паспортов и пресловутой графы «национальность» есть ничто иное, как политизированное преломление упомянутой нормы.

Рассматривая этничность как «внешнюю» категорию, особо отметим одно обстоятельство, принципиальное для темы настоящей работы. Данный подход раскрывает важнейшую административно-политическую функцию этничности. Будучи официально зафиксированной, она приобретает качество ква-

зюридической категории, опосредующей взаимоотношения государства со своими гражданами и облегчающей государственно-политическое освоение многообразной социальной действительности. В этом смысле этничность способствует не только самоопределению группы, но и самокатегоризации государственной власти.

С другой стороны, есть достаточно веские основания для еще большего расширения категории аскриптивной этничности за счет так называемой декларируемой этничности или самоприписывания к этнической общности. Некоторые исследователи рассматривают факт самоприписывания в качестве одной из самых существенных характеристик при определении этнической идентичности (*Лурье, 1998; Romanucci-Ross, 1973*). Однако такой подход далеко не бесспорен, поскольку декларируемая этничность может не полностью совпадать (или полностью не совпадать) с той этнической идентичностью, реальным носителем которой является лицо, декларирующее свою приверженность к социуму. В этом состоит лишь наиболее актуальная и социально значимая грань, терминологически отделяющая самоприписывание от идентичности. Конечно, в подавляющем большинстве случаев декларирующий свою этническую принадлежность индивид опирается на соответствующую идентичность, но, как представляется, даже при таких «благоприятных» условиях сопоставления рассматриваемые категории не тождественны друг другу.

Хотя «совпадающее» самоприписывание проистекает из конкретной формы этнического самосознания (то есть всегда является осознанным) и, следовательно, основывается на субъективных характеристиках (в отличие от социально предписанной этничности), видимо, оно не входит в структуру этнической идентичности и, вероятно, более проявляется в сфере поведения. В пользу такой трактовки говорит и тот факт, что самоприписывание индивида к общности становится актуальным лишь при определенных условиях, когда возникает необходимость продекларировать свою этничность. Обычно это происходит «на контакте» с властью, другой этнической груп-

пой, иной идентичностью и, как правило, «в индивидуальном порядке»².

Характерно, что самоприписывание наряду с набором объективных признаков (этническая принадлежность родителей, место рождения, вероисповедание, язык, культура) служит основой для официально предписываемой этничности. Тем сомнительнее выглядят выводы тех авторов, которые включают самоприписывание в число сугубо субъективных характеристик этничности. Кроме того, нам представляется совершенно необходимым разделить два внешне схожих понятия: самоотнесение к этнической общности самоотождествление с этнической общностью. Основное функционально-сущностное различие между данными понятиями состоит, видимо, в следующем: посредством самоотнесения индивида происходит объективация его этнической идентичности, сформировавшейся как результат самоотождествления с этнической группой³. Механизм объективации действует в расчете на внешнее восприятие (по принципу опознавательной системы «свой-чужой»), причем в том случае, когда декларируемая этничность не совпадает с действительной идентичностью индивида, он может формировать свой этнический облик на основе чужих культурных маркеров, то есть «примеряя» на себя чужую внешнюю этничность. Упомянутую особенность этничности хорошо понимал Ф. Барт, который не рассматривал самоприписывание к группе как существенную черту этнической идентификации.

Категория этничности представляется нам не только чрезвычайно разветвленной, но и многоуровневой конструкцией, поэтому, выделяя в различных вариантах ее понимания «внешние» и «внутренние» аспекты, мы вовсе не намерены их абсолютизировать. Применительно к структуре самого этнического дискурса, понимание этничности является внутренним и глубинным лишь в том случае, если оно апеллирует к сущности этнического феномена

Как уже отмечалось, включение понятия «этничность» в терминологический «арсенал» западной научной мысли и последующее расширение сферы его использования было сопряжено и с практически одновременным теоретическим и мето-

дологическим сдвигом в культурной антропологии. Непосредственным поводом для этого послужила смена социальной парадигмы, произошедшая в США на рубеже 60 — 70-х гг. и заставившая по-новому взглянуть на перспективы дальнейшего развития американского общества. Кризис прежней модели модернизации, со всей очевидностью обозначившийся уже во второй половине 60-х гг., привел к окончательному отказу от доктрины «плавильного тигля». Этнокультурное многообразие, прежде воспринимавшееся как естественно-историческое препятствие на пути единения американской нации, оказалось одной из ее системообразующих характеристик (*Hollinger, 1995*). Данный факт не смог ускользнуть от внимания этнологов. В практическом плане он означал для них смену исследовательских приоритетов: переход от изучения «органичных» этноплеменных сообществ к анализу формирования и взаимодействия этносоциальных групп в структуре современного общества (индустриального и постиндустриального), а как следствие, — более широкое использование методик социологического и кросс-культурного анализа.

Таким образом, с момента своего появления категория этничности оказалась востребованной целым рядом объяснительных моделей и, благодаря своей включенности в терминологический контекст прикладных исследований, получила два наиболее употребимых смысловых выражения. При всей условности строгих формулировок, их можно обозначить как объективистское и субъективистское понимания этничности.

Первое (и, очевидно, более раннее) связывает этничность с набором характерных культурных черт, которые проявляются в ходе взаимодействия их групповых носителей с внешним социальным окружением. При таком варианте прочтения этничности все многообразие подходов и методик концентрируется вокруг основной исследовательской проблемы, сущность которой состоит в ответе на вопрос об этнокультурной обусловленности различных форм социального поведения. По существу, это вопрос о все той же этнической принадлежности, приобретающей социальную значимость в условиях общественных трансформаций.

Так, известный антрополог К. Гирц еще задолго до широкого распространения понятия «этничность» связал социально-культурные параметры этнической общности с поведенческой стороной ее существования. Антропологическая концепция Гирца предполагает, что социально значимые культурные феномены, возникающие в ходе межгруппового, внутригруппового или иных форм общественного взаимодействия, составляют особые символьные системы. Эти системы поддерживают единство этнических общностей, обеспечивают их длительное функционирование, создают поля социальной коммуникации на уровне отдельных этносоциумов, осуществляют межпоколенную трансляцию знаний и опыта, формируют общее видение мира, мифы и верования, а также контролируют поведенческую активность индивидов (см. Лурье, 1998).

Упомянутая концепция может рассматриваться как культурно-символическая трактовка этничности. Однако бросается в глаза ее сосредоточенность лишь на тех аспектах этнической проблематики, которые жестко обусловлены спецификой этносоциального взаимодействия. При этом само взаимодействие и участвующие в нем субъекты не вызывали у исследователей значительного интереса. Преимущественное внимание уделялось анализу культурных феноменов, и, как следствие, познание этнической действительности сводилось к прочтению символических форм и раскрытию соответствующих им значений. Культуроцентрированный подход к пониманию этничности давал общие представления о мотивации человеческих действий, но оставлял открытыми вопросы о специфике функционирования этнических сообществ, о структуре и способах социально-политической мобилизации этнических характеристик, а также о динамике и механизмах социально-культурных изменений, непрерывно протекающих в символических системах различного уровня.

Столь явный перекосяк в сторону символической антропологии не только сужал проблемный спектр проводимых исследований, но и нарушал основополагающую взаимосвязь, существующую между элементами этносоциального дискурса. Между тем все многообразие взглядов, подходов и концепций,

практически востребованных западной этнологией, базируется на признании принципиального факта: хотя этничность проявляется практически во всех сферах жизнедеятельности современного общества и обнаруживает столь же многообразные, обусловленные ситуацией аспекты своей интерпретации, она обладает качественно выраженной спецификой среди прочих социальных реалий — в этом, видимо, и состоит интегральное единство этнического феномена. Следовательно, выявление и объяснение подобной качественной специфики применительно к конкретным социально-политическим условиям является той первоочередной задачей, от решения которой зависит направленность последующих теоретических поисков и прикладных разработок.

Очевидно, что политически акцентированное восприятие «текущей» этнической проблематики, именуемое в просторечии «национальным вопросом», также зиждется на неких объяснительных моделях, формируемых обществом, научными кругами или властными структурами. Идеологизированное и политизированное прочтение национального вопроса, подразумевающее различные формы взаимодействия между этничностью, гражданственностью, политической властью, смыкается здесь с фундаментальными вопросами этнической идентичности.

В качестве второго смыслового выражения этничности широкую известность получило понятие этнической идентичности. В то время как вышерассмотренный вариант интерпретации отождествляет этничность с набором характерных культурных черт или с формами поведенческой активности, идентичность трактует ее в терминах субъективно-групповой принадлежности индивида. Превращение идентичности в основную объяснительную категорию этнологического анализа подчеркивало многоаспектность и подвижность проблемной сферы. Иначе говоря, этничность вобрала в себя самые различные аспекты общности, придав им роль идентификационных параметров. Именно в контексте социальных трансформаций, влияющих на внутреннюю структуру этносоциума, раскрывается символизм культурных характеристик и динамика межгрупповых взаимодействий.

Таким образом, с начала 70-х гг. концепт идентичности становится доминирующим в исследованиях по этно-социальной тематике. Он фигурирует в определениях этничности, данных Ф. Бартом («осознанное поле коммуникации и взаимодействия, основанное на идентификации себя в качестве отличающегося от других») (Barth, 1969. P. 11), Т. Эриксоном («социальная идентичность, характеризующаяся метафорой родства или фиктивным родством») (Eriksen, 1993. P. 12).

Видимо, нет нужды подробно рассматривать анатомию этнической идентичности, но при этом следует иметь в виду, что определенные аспекты этнической проблематики требуют расширенного восприятия социальной действительности. Например, определяя место, занимаемое этнической идентичностью в жизни современного человека, мы выходим за рамки сугубо психологической модели. Анализируя этническую идентичность, мы вынуждены учитывать общий социальный контекст ее бытования и даже отдельные факторы политико-идеологического характера, способные повлиять на существующее положение вещей. Под последним понимаются структурные изменения, затрагивающие всю подсистему социальной идентичности и зачастую берущие свое начало в плоскости этнополитической самоидентификации индивидов. Прежде всего, речь идет об известной закономерности: по мере актуализации этничности (во всех ее смысловых значениях) изменяется иерархическая структура существующих в данном обществе социальных идентичностей⁴. Наиболее наглядные примеры подобных трансформаций демонстрирует советская и постсоветская действительность.

Следует, однако, внести некоторое уточнение в существо рассматриваемой проблемы. Действительно, в изменяющемся российском обществе этническая принадлежность оказалась наиболее доступной и актуальной формой групповой психологической консолидации. Но, нет достаточных оснований утверждать, как это делается некоторыми авторами (см. *Социальная и культурная дистанция*, 1998), что к ней «перешло по наследству» центральное место в иерархии социальных

идентичностей, ранее занимаемое идеологической и политико-гражданской категорией «советский человек».

Во-первых, место всякой социальной идентичности достаточно жестко детерминировано условиями самокатегоризации, то есть тем, с кем идентифицируют себя представители данной группы и от кого они дифференцируются. Практика показывает, что «новая» этническая идентичность функционально не восполняет отсутствия прежних советских идентичностей, поскольку с распадом Союза не только исчезли характерные для советского строя категории общности или их сопоставительные прототипы, но и многие из связанных с ними социальных функций также потеряли свою актуальность.

Во-вторых, как нам представляется, хотя есть и другие точки зрения, широко употребляемая категория «советский человек» скорее являлась не общностью, даже не номинальным ее обозначением, а идеологически внедряемым в массовое сознание комплексом представлений о подобной общности и, следовательно, не могла служить основой для полноценной идентичности. Что же касается советской политико-гражданской принадлежности, нам трудно судить о ее роли и месте в структуре существовавших социальных идентичностей — ведь полномасштабные социологические исследования, способные ответить на данный вопрос, по понятным причинам не проводились (во всяком случае, до того момента, как государственная система СССР стала подвергаться существенной эрозии). Можно лишь утверждать, что разные части советского социума по-разному воспринимали свою фактическую, социально предписанную принадлежность к единой общности и в очень неодинаковой степени соотносили себя с ее идеалами, ценностями, символами. Причем наиболее отчетливое разграничение происходило именно по этническому признаку⁵

О выдающейся роли этничности, видимо, более уместно говорить в несколько ином смысловом контексте. Мы значительно дальше продвинемся в понимании проблемы, если свяжем эту роль не столько с заполнением некой психологической лакуны, образовавшейся после краха советской модели общественного устройства, сколько с общим усложнением социаль-

но-политической действительности. Современная российская этнология зачастую смешивает социально-объяснительные концепции этнического возрождения с психологическими моделями роста этнической идентичности или, по меньшей мере, не проводит четкую грань между данными проблемными областями.

Процессы так называемого «национального возрождения», очевидно, имели психологические истоки, в первую очередь связанные с развитием и актуализацией этнической идентичности⁶ (хотя «внутреннее» этническое развитие было обусловлено сложной комбинацией «внешних» факторов), но, судя по всему, их нельзя рассматривать лишь как стратегию индивидуальной адаптации к изменившимся условиям посредством единения с группой. Следует, видимо, согласиться с мнением Г. У. Солдатовой, считающей, что возросшая актуальность этнической идентичности является не только индивидуальной реакцией на кризисные условия, но и одним из видов этнической трансформации (Солдатова, 1998). Последнее объяснение согласуется с динамикой этносоциальных процессов и при том не в ущерб психологическим аспектам исследуемой проблемы.

В постсоветской России этнические общности столкнулись с определенными вызовами, активизировавшими некоторые компоненты их коллективного самосознания. В первую очередь это относится к нормативно-солидаристским составляющим, инициировавшим формирование и максимально широкое распространение этнических идеологий (Здравомыслов, 1997). Императивным стержнем почти всех таких идеологий, распространявшихся на территории СССР, были представления о будущем общности, скрывающем в себе угрозы и перспективы, а также неразрывно связанным с ним прошлым, воплощающем надежду на успешное преодоление препятствий и будущее благополучие. Связь между образами прошлого и будущего осуществлялась через подчеркнутую актуализацию (идеологизацию) механизмов внутригрупповой трансмиссии. Таким образом, постоянная культурная репродукция, так ска-

зять, «физиологически» осуществляемая в любом обществе, приобретала мотив цели и смысла.

Представления об основополагающих интересах этнической группы переместились у индивидов в практическую плоскость, иными словами, поступки, совершаемые членом группы, даже если они не затрагивают сферу внутриэтнических взаимоотношений, стали с ними соотноситься. Наивысшая степень этнической мобилизации, отмеченная в России на рубеже 80—90-х гг., характеризовалась не только индивидуальным усвоением определенных коллективно предписанных форм поведения, но и полным включением поведенческой составляющей в структуру этнической идентичности. По существу, это явилось временным возвращением к наиболее архаичным образцам социальной практики, предполагающим неразрывную связь поведения и сознания.

Любые кризисные изменения, происходящие в структуре социальной идентичности, означают трансформацию характеристик группы. В частности, стремление индивидов к единению с этнической общностью не только инспирируется глубинными пластами этнического сознания, но самим фактом своего появления изменяет ее.

Трансформация этничности есть процесс, протекающий одновременно в двух проблемных плоскостях. Одна из этих плоскостей отражает структуру социальной идентичности индивида, а также его саморефлексию по поводу включенности в этническую общность. Другая — групповые установки, поддерживающие единство общности и определяющие параметры ее самокатегоризации. Если пользоваться терминологией Л. М. Дробижевой, то речь идет о двух уровнях этнического самосознания — социально-психологическом и идеологическом (Дробижева, 1994).

Если придерживаться намеченной нами схемы, то все принципиальные изменения, касающиеся способов и форм самоидентификации индивида, происходят в первой проблемной плоскости, то есть имеют свои истоки внутри самого человека. Многие отечественные исследователи, в частности уже упомянутая нами Г. У. Солдатова, подчеркивают факт воз-

действия общественных кризисов на состояние и развитие социальной идентичности. По их мнению, в кризисные периоды истории филогенетически более поздние идентичности утрачивают актуальность и уступают свое место «старым», «проверенным» групповым «принадлежностям», обладающим явными преимуществами. В числе таких преимуществ Солдатова называет доступность, устойчивость и близость обыденному сознанию (Солдатова, 1998).

Конечно, трудно судить об истинных причинах, лежащих в основе усиления этнической идентичности. Можно лишь со значительной долей уверенности полагать, что они не были одинаковы: у каждой из категорий советских граждан, подвергшихся этнической мобилизации, имелись свои мотивы. Тем не менее можно выделить две основные объективные причины, которые не зависели от политической конъюнктуры, но сами влияли на развитие соответствующих форм общественного сознания.

Для одних этнических групп (их, как правило, образуют представители титульных народов) определяющим стал сам этнический статус, на всем протяжении советских лет стимулировавший особую идентичность. Для других (по преимуществу русскоязычных) актуализация практически забытой этничности оказалась единственным адекватным ответом на внешние «вызовы» (всплеск этничности титульных народов).

Как бы то ни было, многочисленные исследования вполне определенно свидетельствуют, что в России 90-х гг. именно этническая группа являлась самой востребованной категорией идентификации⁷. Она часто фигурирует в различных комбинациях с гражданской общностью (впрочем, воспринимаемой весьма неоднозначно), но занимает приоритетные позиции даже среди русского населения национальных республик.

Возрастающая актуальность этнического самосознания, как правило, свидетельствует о его трансформации по типу гиперидентичности (гиперэтничности). Впрочем, данный аспект преобразования этничности связан не только с изменениями, происходящими в соответствующих сферах индивидуального или группового самосознания, его также нельзя всецело свес-

ти к обострению эмоциональных переживаний. Гиперидентичность указывает на определенное состояние общества, характеризующееся наличием достаточно четких целевых установок: по нашему мнению, именно такое состояние уместно обозначить понятием «этноцентризм». Очевидно, что как тип кризисной идентичности, то есть «отклонение от нормы», гиперэтничность может быть лишь весьма условной характеристикой для всего этносоциума в целом. Однако, судя по эмпирическому материалу, данная характеристика не является исследовательской абстракцией и в каждом отдельном случае имеет под собой фактическую основу. Этнополитические исследования, проводившиеся в российских регионах на протяжении последнего десятилетия, показали, что актуализация этничности как таковой коррелирует с уровнем межэтнической напряженности, определяемым для конкретного субъекта федерации (*Социальная и культурная дистанция*, 1998). Следовательно, повышение гиперэтнических реакций, отмечаемое среди представителей той или иной этнической группы, в первую очередь отражает специфику и динамику межгруппового взаимодействия. В более общем виде об этом же свидетельствуют исследования А. Тэджела и его коллег, доказывающие, что когнитивно-эмоциональная структура социальной идентичности в значительной мере есть результат межгруппового взаимодействия (*Tajfel, Turner*, 1986). Формирование гиперидентичности само превращается в один из главных факторов, определяющих межгрупповые отношения и влияющих на рост их напряженности⁸. Как отмечает Г. У. Солдатова, «этничность в современной России все более становится формой взаимодействия между культурными группами, действующими внутри общего социального контекста. Выполняя функцию внутриэтнической интеграции, она определяет развитие дезинтеграционных тенденций в обществе в целом» (*Солдатова*, 1998. С. 47)⁹. Определяя гиперэтничность не только как «расширенную» этническую идентичность, но и как систему специфических установок, поддерживающих группу на пути ее этнополитической мобилизации, мы проникаем в иную проблемную плоскость. Анализируемая таким образом этничность выходит за

рамки своих непосредственных функций и трансформируется в идеологическую конструкцию, призванную определять символические границы общности, формировать представления о ее политически мотивированных интересах, создавать социально-политический контекст коллективных действий и т. п.

Таким образом, этничность становится политически значимой категорией, в данном качестве она перестает быть просто идентичностью, раздвигая свои семантические границы до широко понимаемой этничности. Видимо, именно отсюда берут начало все инструменталистские представления, трактующие этничность как относительно поздний феномен массового сознания. Мало кто сомневается, что те институциональные формы, которые принимает современная российская этничность, являются продуктом современной истории, однако в их основе все же лежит трансформированная этническая идентичность.

Налицо качественный сдвиг, происходящий в механизмах идентификации. Осмысливая идеологический контекст этнополитической мобилизации, Л. М. Дробижева употребляет понятие «этницизм», которое уже по своему созвучию с национализмом ориентирует нас на особое внимание к идейно-политической сфере. В трактовке самого автора этницизм шире этнического самосознания, он не только означает осознанное отношение к себе как к члену этнической общности, но и заинтересованность в ее поддержке и развитии, готовность к идеологической и политической мобилизации, к действиям во имя сохранения народа (*Дробижева, 1994*).

Расширение сферы этнического самосознания за счет смежных сегментов социальной категоризации еще не ведет к устойчивым представлениям об этнополитической общности. При том, что каждый отдельный член социума воспринимает и осознает свое личное, а также групповое отличие от представителей иных общностей, трактуемых в качестве аутгруппы, подобная категоризация не несет в себе элементов политического противопоставления. Лишь идеологически оформленный этноцентризм способствует такому восприятию социально-политической реальности, при котором автономность

собственной группы превращается в самодовлеющую ценность, а любые межгрупповые контакты оцениваются с позиций этнической заинтересованности. При этом все внешние силы, вступающие в ту или иную форму взаимоотношений с ингруппой, воспринимаются как вполне самостоятельные политические субъекты. Суверенизация российских автономий наиболее ярко иллюстрирует упомянутые метаморфозы этнического самосознания.

В наши рассуждения о специфике этнических трансформаций необходимо внести еще одно уточнение. Уже не раз упомянутая нами актуализация этнической принадлежности необязательно проистекает из процессов этнополитической мобилизации, групповой консолидации, всплесков гиперэтничности и этноцентризма. Мы полагаем, что самосознание большинства из проживающих в Москве «лиц кавказской национальности» не претерпело резких изменений на протяжении последнего десятилетия. Актуальность этнической идентичности и уровень ее мобилизованности регулировались включенностью в национально-культурную общность, а также этногрупповыми интересами, которые менялись по содержанию, но имелись практически всегда. Прочие виды и формы социальных идентичностей, так или иначе проявлявшиеся у этнических кавказцев, обеспечивали им включенность в систему индивидуальных, общественных и социально-политических отношений. Тем самым поддерживался необходимый баланс между этничностью и воздействующей на нее социальной средой. Для упомянутой категории населения актуализация этнической принадлежности стала неприятным фактом, перед которым ее поставили административные и правоохранительные органы, то есть политические структуры.

Со схожими примерами мы можем встретиться во многих регионах Российской Федерации и государствах СНГ, где возросшее влияние этнического компонента на социальную практику вызвано целенаправленной политикой властных структур (языковой, культурной, кадровой, миграционной и т. д.), проводимой в отношении отдельных меньшинств. На групповом уровне это приводит к формированию так называемого

синдрома «навязанной этничности» у «отмеченных властью» категорий населения (*Лебедева, 1997*). Хотя значимость этнической принадлежности может социально стимулироваться и комплексом аффирмативных действий, например политикой поддержки малочисленных народов.

В свете всего сказанного необходимо более подробно рассмотреть процесс формирования этнополитической идентичности как один из важнейших аспектов постсоветских этнических трансформаций. Мы выяснили, что мобилизуемая этничность характеризуется комплексом изменений, затрагивающих индивидуальную структуру социальной идентичности, а также сами механизмы этнической идентификации. Обе грани мобилизационного процесса тесно связаны между собой, будучи вписанными в общий контекст гиперэтничности и этноцентризма.

Зафиксируем принципиальный момент, способный стать отправным при дальнейших исследованиях: за последние советские годы и продолжающее их постсоветское десятилетие этническая идентичность подверглась не просто существенной, а качественной трансформации. Всей совокупностью своих структурных и функциональных компонентов, динамикой их развития и формами объективации она оказалась вовлечена в сферу социально-политических взаимодействий. Такая постановка вопроса позволяет несколько скорректировать нашу предыдущую посылку. Речь идет уже не об отдельных факторах политико-идеологического характера, способных повлиять на самоидентификацию индивида, а о социально заданных (иногда даже сознательно сконструированных) условиях, создающих групповой контекст этнической идентичности и определяющих конкретную модель ее реализации. По словам М. Н. Губогло, «первое постсоветское десятилетие ознаменовалось сдвигом этнического из сферы духовной культуры и психологии в сферу политики. Все, в чем выражается и проявляется этничность, в той или иной мере оказалось мобилизованным для «хождения во власть» под лозунгами национального возрождения» (*Губогло, 2000 С. 106*).

Политико-идеологическое преобразование этнической идентичности находит ощутимые смысловые и фактические параллели с динамикой этнополитических процессов, протекающих на территории Российской Федерации. Это в свою очередь открывает широкие аналитические возможности, связанные с исследованием структуры этнического дискурса, а также самого понятия политизированной этничности.

Категории этничности и этнического процесса находятся в достаточно сложном взаимодействии между собой, причем основная сложность заключается в оценке тех пределов динамической устойчивости, которые присущи любому этническому сообществу и задают базовые параметры его существования. Единственный эмпирически обоснованный подход к поставленной проблеме опирается на имеющиеся у нас представления об этнической идентичности и путях ее развития.

В соответствии с разработанной советской наукой теорией этноса, сущность этнического процесса определяется суммой эндогенных и экзогенных факторов, ведущих к преобразованию этносоциального организма путем изменения его специфических черт и сущностных характеристик. Если не вдаваться в детали, подобный взгляд на стержневую для этнологии проблему представляется вполне логичным и не вызывает особых возражений. Однако, будучи выведенным за строгие терминологические рамки, формирующие основу научного инструментария, этнический процесс оказывается не менее полифункциональным и даже аморфным понятием, чем все та же этничность. Посредством самого поверхностного анализа, затрагивающего ключевые положения теории этноса, можно выделить три наиболее общие разновидности изменений, которые не вполне (или весьма неоднозначно) соотносятся со сложной общепринятой типологией этнических процессов, в зависимости от критериев типологизации включающих этноэволюционные и этнотрансформационные, объединительные и разъединительные процессы (*Денисова, 1996*).

Во-первых, в качестве этнических процессов часто рассматриваются сугубо этнодемографические явления, связанные с расселением народов, миграциями, ростом или сокра-

щением этнической численности и т. д. (*Чебоксаров, Чебоксарова, 1985*).

Во-вторых, допускается ситуация, при которой изменение ряда этнических признаков не нарушает главный (хотя и вторичный) показатель самоидентифицируемости этноса, ассоциируемый с его самосознанием. Подобные «сходящие» изменения также включаются в категорию этнических процессов, причем этому объективно способствует принципиальное положение теории этноса, утверждающее, что ни один этнический признак не бывает обязательным, а следовательно, сами этноопределяющие критерии либо вообще отсутствуют, либо представляются весьма формальными. Во всяком случае, коль скоро дело обстоит действительно так, замена определенного «необязательного», но в силу каких-то причин наличествующего признака никак не скажется на анатомии этнического организма в целом.

В-третьих, наиболее распространенная точка зрения на природу этнического процесса связывает его динамику с трансформацией самосознания. Однако и такой вариант трактовки (не исключающий, а дополняющий предыдущие варианты) оставляет множество открытых вопросов, поскольку трансформация этнического самосознания затрагивает чрезвычайно широкий круг социальных явлений и уже по одной лишь этой причине принадлежит к числу самых сложных проблем, изучаемых современной этнологией. Остается, например, совершенно неясным, где пролегает умозрительная грань, отделяющая этноэволюционные процессы от этнотрансформационных, иначе говоря, — та символическая черта, за которой происходит глубинное преобразование этнической природы, ведущее к ассимиляции или образованию нового этноса.

Многие авторы полагают, что перемены в этническом самосознании не следует абсолютизировать, сводя к ним все содержание этнических процессов. Скажем, выработка особого самосознания может стать закономерным результатом этнической миграции, реализовавшись в форме конкретного процесса (интеграция, сепаратизм, маргинализация), но при определенных условиях та же миграция может завершиться ас-

симилиацией, то есть полным растворением мигрирующей группы в принимающей ее среде (*Лебедева, 1999*). Кроме того, если подойти к проблеме несколько шире, частичная или полная смена самосознания оказывается лишь одним из промежуточных или окончательных результатов миграционного процесса. Впрочем, этапный характер трансформации далеко не всегда представляется столь очевидным. Адаптация мигрантов к иной культурной, хозяйственно-экономической, природной среде, этнодивергентные изменения в языке и культуре, вызванные ослаблением или разрывом внутригрупповых связей, а также сокращением контактов с «этнической родиной», основным этническим массивом, — все это более объективные и надежно фиксируемые показатели миграционного процесса, позволяющие судить о его динамике (*Анфертьев, 1993*). Как видно на данном примере, трансформация этнического самосознания функционально обуславливается характером миграционного процесса и напрямую зависит от установок мигрирующей и «принимающей» групп.

Наконец, следует подчеркнуть еще один чрезвычайно важный для нас момент. В условиях социальной модернизации, сопровождаемой не сглаживанием этнических различий, а их обострением и форсированной мобилизацией, исследователи все чаще сталкиваются с гипертрофированной ролью группового самосознания. В данном случае гипертрофированность понимается не как синоним реальной гиперэтничности, а скорее как реификационная форма этнической самопрезентации (*Анфертьев, 1993*). Упомянутая особенность присуща ряду диаспорных групп, у которых именно самосознание превращается в основной этнический признак, не просто мобилизующий, а поглощающий все культурные формы и даже язык. Обычно это связано с возрастающей потребностью в дифференциации от окружающей социальной среды.

Соответственно, для исследователя подобных групп самосознание перестает быть индикатором и критерием, позволяющим однозначно интерпретировать какую-либо социальную группу в качестве этнического сообщества. Однако вправе ли мы на том же основании исключать категорию этничности из

более широкого проблемного контекста социальных трансформаций? Возможен и другой вариант постановки того же вопроса, более приближенный к этнополитической проблематике. Не секрет, что сами формы воплощения и реализации этничности (включающей соответствующую идентичность) претерпели на сегодняшний день существенную трансформацию. В свете данного факта, не следует ли по-новому и более глубоко осмыслить сущность этнополитических процессов, традиционно трактуемую с инструменталистских позиций как манипулирование этнической идентичностью?

Все теоретические построения отечественных и зарубежных этнологов, так или иначе, корреспондируют с общепризнанным утверждением, гласящим, что ни один из существенных признаков этноса не может быть признан специфическим, характерным исключительно для этнических общностей, а значит в принципе нет жесткого разграничения между этническими общностями и некоторыми другими социальными образованиями. Признание этого факта перманентно вносит элемент неопределенности в изыскания специалистов и на протяжении уже нескольких десятилетий создает повод для горячих дискуссий. С другой стороны, выработка или последующая трансформация этнического самосознания может рассматриваться с позиций функциональности данных процессов, прежде всего по отношению к целям и задачам консолидации социальной общности, преемственности ее существования, а также применительно к складыванию коллективного образа окружающего мира и представлений категоризируемой группы о своем месте в этом мире.

С учетом вышеупомянутых обстоятельств общий методологический подход к исследованию этнических (этнополитических) процессов должен заключаться в приоритетном ответе на следующий вопрос: как и в какой мере те или иные признаки социальной общности встраиваются в структуру группового самосознания и под его воздействием приобретают качество этнических символов¹⁰.

В современном российском обществе, так же как и в отечественной науке, отсутствует единство представлений о

сущности этнонациональных процессов, протекающих на территории нашей страны. Предметом наиболее оживленной дискуссии является их институционально-политическая и социокультурная динамика, определяющая национальную парадигму российской государственности.

Если рассматривать многонациональность российского общества как одну из фундаментальных государствообразующих характеристик, формирующих политический облик современной России, вопрос о направленности упомянутых процессов фактически снимается. В более широком смысле именно на это нацелено огосударствление этнической сферы, берущее свое начало из практики советского государственного строительства. Вплоть до настоящего момента государственное развитие Российской Федерации испытывает весьма ощутимое, хотя и опосредованное воздействие советской национальной политики, которая исторически и концептуально изжила себя к началу 90-х гг. Наиболее значимым следствием подобного воздействия стало формирование качества этнополитической субъектности практически у всех российских народов, ранее осуществивших свое территориальное самоопределение.

Как это ни покажется странным, политическая субъектность этнических сообществ является результатом институционально-территориального комбинирования, объектами или продуктами которого данные сообщества выступали в советский период. Принцип административного народообразования, нашедший широчайшее применение в развитии социалистического федерализма, не просто способствовал консолидации новых этнонациональных единиц, но и обуславливал само их существование наличием определенного политико-правового статуса. Практика советского этнофедеративного строительства знала различные виды административного формотворчества. Однако вне зависимости от того, имело ли место территориально-политическое объединение людей на основе их этнической близости и компактности проживания, сопровождаемое стиранием племенных границ, или административными границами разделялся уже существовавший этнический массив, или, наконец, происходило целенаправленное отступле-

ние от принципа титульности в пользу создания двунациональных и национально-региональных автономий, — для каждого народа устанавливалась лишь та форма территориальной институционализации, которая находилась в соответствии с официально признанной стадийно-исторической типологией этнических общностей¹¹.

Подобный иерархизм разделял народы на государственные (нации) и негосударственные (народности) посредством системы формальных критериев, в этом смысле он являлся наиболее наглядным свидетельством огосударствления этнополитических процессов. Условности социального развития и культурной дифференциации общностей, разумеется, лишь в малой степени отражали реальное положение вещей, но суть проблемы была в ином. Поскольку советская система государственно-политического устройства определялась не иерархией этнокультурных сообществ, а единством всеобъемлющего партийного руководства, этнодемографический фактор в любом случае не мог иметь самостоятельного значения и заслонялся соображениями административной целесообразности.

Таким образом, выработанная в СССР национально-государственная парадигма не столько отражала многонациональный состав советского общества (хотя это навязчиво декларировалось), сколько структурировала этносоциальную среду, делала ее более приемлемой для идеологического восприятия и бюрократического контроля. Следовательно, общепринятое в Советском Союзе понимание нации и национальности также можно рассматривать с двух взаимоприемлемых смысловых позиций. С одной стороны, нация вполне определенно трактовалась как высшая форма этнокультурной общности, обладающая правом на собственную государственность и, соответственно, федеративную субъектность. С другой стороны, обязательная национальная принадлежность являлась статистической категорией и одновременно служила квазиправовой формулой, устанавливающей формально-статусные отношения между гражданами и государственной властью.

Характерно, что доктринально-идеологические основы советской государственности не оставляли места для поста-

новки национального вопроса, который таким образом оказывался «решенным». Формирование системы этнонациональных разграничителей происходило параллельно с провозглашением универсальной и сверхпрогрессивной гражданской общности высшего порядка, каковой являлся советский народ, а сущность этнических процессов априорно сводилась к «расцвету и сближению наций» в рамках все той же «новой исторической общности». В действительности советский тип общности был одинаково далек как от этнополитической мозаики, так и от мультикультурной нации-согражданства. Первая модель не могла осуществиться до тех пор, пока сохранялась жесткая политическая централизация, а вторая отвергалась коммунистическим режимом из принципиальных идеологических соображений.

Очевидно, что советский опыт институциональной фиксации этнических различий демонстрирует совершенно особый стиль взаимоотношений между государственностью и этничностью. Своеобразие организационных принципов советского многонационального государства неоднократно вводило в заблуждение зарубежных исследователей, пытавшихся использовать традиционные национально-государственные концепции для понимания отечественных реалий. Так, Р. Брубейкер считал, что специфической особенностью советской системы было сочетание двух противоположных принципов национальности — территориально-политического и этнокультурного, в то время как на самом деле этнотерриториальная схема федерализма концептуально совпадала с принципом личной национальности и никак не противоречила ему (*Brubaker, 1996*).

Более пристального внимания заслуживает другой вопрос, также затронутый в исследовании Брубейкера, а именно, какое воздействие процесс институционализации этничности оказал на формирование постсоветской этносоциальной среды. Данный вопрос представляет особый интерес в контексте современной дискуссии, основным предметом которой стала неоднозначно понимаемая категория нации, приобретающая повышенную политическую актуальность для самых различных субъектов политического действия. Реальность такова, что

несовпадение концептуально-теоретических подходов к обозначенной проблеме выступает далеко за рамки чисто академического дискурса и оказывается ощутимым фактором государственно-политической трансформации. Противопоставление доктринальных основ вносит значительный элемент неопределенности в самую чувствительную сферу государственного регулирования, каковой является политизированная этничность.

Между тем, пока преимущественное внимание политиков, исследователей и общественности концентрируется на политико-идеологических либо терминологических аспектах проблемного комплекса, неясными остаются те пути, которые способны привести к пониманию механизмов трансформации и сохранения российского общества.

На протяжении последних двенадцати лет политизированная этничность воспроизводилась непрерывно и столь же непрерывно меняла социально-политические формы своей реализации. Если на рубеже 80-х и 90-х гг. интенсивная этнополитическая мобилизация отмечалась — хотя и в разной степени — практически у всех народов России, современная ситуация дает качественно иную картину. Уже к середине 90-х гг. намечился общий спад этнополитической активности, получивший довольно неоднозначную трактовку в среде специалистов. Доминирующей является точка зрения, сводящая суть произошедшего к стабилизации этнонациональной сферы социальных отношений. В смысловом поле данной стабилизации выделяются три взаимосвязанных структурных компонента: спад радикального этнонационализма, ослабление межэтнической напряженности и рост политического прагматизма. Случаи отступления от общих тенденций, например конфликт в Карачаево-Черкесии, объясняются спецификой местного этнополитического развития.

Однако приходится признать, что при всей своей безусловной значимости упомянутые факты свидетельствуют лишь о повсеместном изменении политической конъюнктуры, а это само по себе не ново для постсоветской России. Хотя этничность демонстрирует менее тесную, чем прежде, связь с мани-

фестными формами социального поведения, ее политизированный характер, в общем, сохраняется. Вопрос, видимо, следует поставить несколько иначе. Актуализация различных компонентов в структуре этнического самосознания относительна, она зависит от тех внешних условий или вызовов, по отношению к которым эта структура выстраивается и приобретает политизированный характер. Именно в данной сфере за последнее десятилетие произошла определенная эволюция.

Первоначальный всплеск этнического самосознания, зафиксированный у подавляющего большинства титульных народов, образующих российские автономии, питался целым комплексом политических представлений. Среди когнитивных форм, поддерживающих групповое самосознание, наибольшую мотивационную значимость имели представления о государственной власти (российской и союзной), о местной власти (республиканской, областной, краевой), о соседних этнических сообществах (воспринимаемых в качестве конкурентов). Параллельно выстраивалась система представлений о собственных этнических интересах и приоритетах. Последнее обстоятельство сыграло ключевую роль, поскольку значительно расширившиеся возможности для политической самореализации вызвали у российских народов чувство неудовлетворенности тем местом в структуре внутригосударственных и межэтнических отношений, которое они занимали до сих пор. Разумеется, у каждого из народов были свои мотивы. Тем не менее можно сказать, что на рассматриваемом этапе все они (в большей или меньшей степени) пережили кризис статусной самоидентификации, а также испытали синдром «этнической уязвимости», связанный с исчезновением прежней модели национально-государственного устройства и соответствующих ей адаптационных механизмов. Эти явления сопровождались позитивным восприятием собственной группы и поэтому лишь способствовали росту этнической солидарности.

В создавшихся условиях наметился элемент напряженности между двумя вышеобозначенными комплексами представлений, что привело к формированию сложного когнитивно-мотивационного контекста групповых действий. Достигну-

тый в нем уровень этнополитической мобилизации коррелирует с интенсивностью стереотипов, сложившихся у каждого этнического сообщества. Особое значение приобретает «образ» государственной власти, который наряду с ее реальными институтами и структурами воздействует на утверждение и политизацию этнической идентичности.

Предварительный анализ показывает, что на всем протяжении 90-х гг. этническая идентичность играла весьма значительную роль среди социальных идентичностей, характерных для представителей титульных народов Российской Федерации. Подобное положение подкрепляется ее востребованностью в качестве политического ресурса. Однако со второй половины десятилетия наметились некоторые изменения. Теперь политизированная этничность не склонна противопоставлять себя государственной власти. Все более ясно обозначается тенденция, при которой политическая самоидентификация этнических сообществ происходит за счет их соотнесения с действующей системой государственного устройства. Этому способствуют некоторые явления социально-политического бытия, как бы встраивающиеся в мировоззренческую систему российских народов.

Во-первых, многие титульные этносы (в первую очередь северокавказские) стали реальными субъектами политических отношений, что нашло отражение в местном законодательстве и, отчасти, компенсировало существовавшую статусную неудовлетворенность¹². Во-вторых, начался сложный процесс идентификации этнических сообществ с российским государством. Перспективы данного процесса зависят от характера будущих взаимоотношений между федеральной властью и властями республик, реализующих концепцию этнической государственности, от того значения, которое приобретет российская полиэтничность в контексте государственного строительства, наконец, от степени соответствия государственной политики разнообразным потребностям народов России. В-третьих, происходит постепенное укрепление взаимосвязи между двумя типами социальной идентичности: этнической и об-

щероссийской гражданской (в том числе благодаря внедрению института национально-культурной автономии).

Все сказанное не означает, что протекающие в последние годы этнополитические процессы имеют сугубо позитивную динамику, но благодаря вышперечисленным или функционально схожим явлениям политизированная этничность пришла в некоторое (пока еще довольно хрупкое) соответствие с запросами государственного развития. Основным вектор данного развития, видимо, заключается в формировании у различных этнокультурных групп российских граждан таких представлений о своем государстве, которые позволили бы отождествить все многообразие групповых интересов и ценностей с базовыми принципами его существования.

Литература

1. Александренков Э.Г. «Этническое самосознание» или «этническая идентичность»? / Э.Г. Александренков // Этнографическое обозрение, 1996. - №3. - С.13-21.
2. Альтерматт У. Этнонационализм в Европе. / У. Альтерматт. - М.: РГГУ, 2000.
3. Анфертьев А.Н. Прологомены к изучению этнической истории / А.Н. Анфертьев // Этнос и этнические процессы. М., 1993. — С.62-69.
4. Белинская Е.П. Этническая социализация подростка. / Е.П. Белинская, Т.Г. Стефаненко. - М. - Воронеж, 2000.
5. Губогло М.Н. В лабиринтах этнической мобилизации / М.Н. Губогло // Вопросы истории. - 2000. - №3. - С. 106-124.
6. Денисова Г.С. Этнический фактор в политической жизни России 90-х гг. / Г.С. Денисова. - Ростов н/Д, 1996.
7. Дробижева Л.М. Национализм, этническое самосознание и конфликты в трансформирующемся обществе: основные подходы к изучению // Национальное самосознание и национализм в Российской Федерации начала 90-х годов. - М., 1994.
8. Здравомыслов А.Г. Межнациональные конфликты в постсоветском пространстве. / А.Г. Здравомыслов. - М., 1997.
9. Краткий этнологический словарь. Вып. 1. Этнос, нация, общество. - М., 1996.
- Ю.Лебедева Н.М. "Синдром навязанной этничности" и способы его преодоления // Этническая психология и общество. М., 1997. - С.104-115.

11. Лебедева Н.М. Введение в этническую и кросс-культурную психологию. / Н.М. Лебедева. - М., 1999.
12. Лурье С.В. Историческая этнология. / С.В. Лурье. - М., 1998.
13. Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности. / Г.У. Солдатова. - М., 1998.
14. Социальная и культурная дистанция. Опыт многонациональной России. - М., 1998.
15. Чебоксаров Н.Н. Народы. Расы. Культуры. / Н.Н. Чебоксаров, И.А. Чебоксарова. - М., 1985.
16. Чешко С.В. Человек и этничность / С.В. Чешко // Этнографическое обозрение. - 1994. - №6.- С35-49.
17. Barth F. Ethnic Groups and Boundaries. The Social Organisation of Culture Difference. / F. Barth. - Bergen-Oslo; London, 1969.
18. Brubaker R. Nationalism reframed. Nationhood and the National Question in the New Europe. / R. Brubaker. - Cambridge, 1996.
19. Eriksen T. Ethnicity and Nationalism. Anthropological Perspectives. / T. Eriksen. - L., 1993.
20. Hollinger D.A. Postethnic America beyond Multiculturalism. / D.A. Hollinger. - NY., 1995.
21. Romanucci-Ross L. Italian Ethnic Identity and Transformation // Ethnic identity. Cultural Continuities and Change. Palo Alto(Cal.), 1973.
22. Tajfel H. The social identity theory of intergroup behavior // Psychology of Intergroup Relations. / H. Tajfel, J.C Turner. - Chicago, 1986. P.7-24.

Примечания

¹ Вынужденный переход от понятия «этничность» к понятию «этническая идентичность» вызван необходимостью рассматривать проблему в разных терминологических плоскостях. Далее по тексту работы соотношение данных понятий будет оговорено специально.

² Идентичность тоже формируется в результате межэтнического взаимодействия, однако, в отличие от самоприписывания, она является имманентным признаком общности, более или менее выраженным, но постоянно необходимым.

³ Намечая эту схему, мы пошли на некоторое сознательное упрощение, поскольку формирование идентичности представляет собой гораздо более сложный процесс.

⁴ По существу, это даже не логически установленная связь между явлениями, а две грани единого процесса.

⁵ Здесь не рассматриваются экстремальные ситуации, в которых идентификация по принципу гражданской общности оказывалась единственно возможной.

⁶ Как этническая, так и любая другая группа дает готовые стереотипы поведения и восстанавливает понимаемость мира, то есть выполняет компенсаторную функцию, а также обеспечивает поддержку и защиту, столь необходимую людям в условиях меняющегося общества (*Белинская, Стефаненко, 2000*).

⁷ Например, исследования, проводившиеся в рамках проекта "Национальное самосознание, национализм и разрешение конфликтов в Российской Федерации" (1993-1995 гг.)

⁸ Применительно к теме данного исследования подобные явления можно было бы назвать «когнитивно-эмоциональными циклами этнической напряженности».

⁹ Заметим от себя, что не все столь однозначно.

¹⁰ См. статью С.П. Поцелуева «Символические средства политической идентичности: к анализу постсоветских случаев».

¹¹ Как правило, все упомянутые виды национально-государственного администрирования совмещались и комбинировались, поэтому можно говорить лишь о наиболее явных примерах, а не о различии стратегий.

¹² Хотя в ряде случаев возможность конвертировать этническую принадлежность в политическую власть стимулировала внутрисубъективные противоречия.